

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С С С Р

А. А. ПОПОВ

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ У ДОЛГАН

В 1930 г. я был командирован Музеем антропологии, археологии и этнографии АН СССР в Таймырский национальный округ (Красноярского края) для этнографического изучения долган. На основании собранных материалов предполагалось написать специальную работу, описывающую различные стороны их жизни. Но это намерение в силу ряда причин до сих пор осталось невыполненным, и только часть моих материалов была опубликована в виде отдельных очерков, главным образом в журналах¹. Этнографической литературы по долганам почти не имеется. Данный очерк отчасти заполняет этот пробел, рисуя семейную жизнь долган.

I

Многодетность у долган всегда почиталась за счастье, бездетность же, напротив, считалась большим несчастьем, и винили в этом большей частью мужчин. Бесплодную женщину, так же как и бесплодную важенку оленя, называли «бангай». Рождение уродов истолковывали как следствие брака между близкими родственниками. Долганы думали, что девочки вынашиваются в утробе матери на один день дольше мальчиков. Говорили, что у беременных в последние месяцы появляется желание покушать какой-нибудь определенной пищи, называлось это «сюряктятяр». Этот термин употреблялся также для обозначения упадка сил, который якобы мужчина чувствует в течение нескольких дней после зачатия женой. Беременность никогда не считали нужным скрывать, наоборот, беременные женщины охотно посещали шаманские камлания, где просили предсказать им пол будущего ребенка и время наступления родов. Эти предсказания происходили публично, в присутствии многочисленных участников камлания.

Со дня выявления беременности женщина подвергалась запретам и ограничениям, главным образом в отношении пищи, с целью предохранения будущего ребенка от физических недостатков. Так, ей запрещалось есть гагару, чтобы у новорожденного не оказались широкими ступни ног; заячью голову — чтобы новорожденный не оказался с выпученными глазами и выдавшимися вперед зубами; заячье сердце — чтобы ребе-

¹ В журнале «Советская этнография»: «Материалы по родовому строю долган» (1934, № 6); «Оленеводство у долган» (1935, № 4—5); «Техника у долган» (1937, № 1); в «Сборнике памяти В. Г. Богораза»: «Охота и рыболовство у долган»; кроме того, отдельно, изд. «Долганский фольклор», Л., 1937.

нок не был трусливым; запрещалось есть налима, не снявши кожу, чтобы лицо ребенка не стало рябым. Кроме того не разрешали есть недоброкачественную пищу и запрещали пить водку. Беременная женщина, дабы не запуталась пуповина ребенка, не должна была перешагивать через веревку; чтобы ребенок не вышел на свет спиной, она не должна была проходить за спиной другой женщины. Во избежание трудных родов беременные женщины никогда не ложились одна против другой, в противном случае у той, у которой роды предполагались раньше, они

Рис. 1. Туру — одна из двух лиственниц, втыкаемых у двери чума роженицы (длина дерева около 3 м).

Рис. 2. «Няджи» — покровительница рожениц (Норильский район). Собрание автора.

должны были быть мучительными. Женщины с момента появления внешних признаков беременности считались нечистыми; они не должны были с солнечной стороны переходить дорогу, по которой провозили домашние святыни (сайтан'ов) и шаманские атрибуты, так как думали, что при этом сайтан'ы и шаманские атрибуты оскверняются и духи в наказание посылают тяжелые роды женщине или смерть ребенку.

С приближением родов заставляли камлать шамана и устанавливали для роженицы отдельный шестовой или нартыной чум; по обеим сторонам входа в этот чум норильские долганы ставили снаружи две молодые лиственницы с крестообразными поперечными (рис. 1), называемые туру, что значит столб. Они символически изображали столь распространенные в долганском шаманстве туру — деревья, связанные с душой и

жизнью человека. Долганы верили, что, опираясь на эти священные деревья: туру, душа (кут) роженицы как бы встает после родов и тем самым возвращается к жизни. Во время родов собак держали на привязи, чтобы они своим лаем не отпугнули детского «айы» (доброе божество); кроме того от роженицы удаляли всех беременных женщин, чтобы они, подражая ей, не выкинули раньше времени.

Прежде чем итти в специальный чум, роженица прощалась со всеми словесно, не протягивая руки. Оставшиеся отвечали ей: «Бог благослови» (Буок ластаби) и сопровождали эти слова различными благопожеланиями, но никогда не говорили «Прощай», так как тем самым они выразили бы свое пожелание, чтобы она не вернулась обратно.

Перед самыми родами у роженицы, во избежание могущих возникнуть задержек, снимали все колечки, перстни и пояса. Рожала женщина стоя, держась за шест, привязанный горизонтально одним концом к жерди остова чума, другим — к жерди, установленной посередине чума. Этот шест всегда привязывался налево от входа, и над ним ставили деревянное антропоморфное изображение в песцовой шкурке (рис. 2) или заячьей шкурку, которую называли покровительницей женщины (джахтар айыта или няджи). Если над заячьей шкуркой производилось шаманское камлание, ее хранили и передавали из рода в род, вешая при всех последующих родах. Если же камлание над шкуркой не производилось, то из нее шили одеяльце новорожденному.

Чум роженицы считался нечистым; в нем могли пребывать только трое: роженица, бабка и еще женщина, которая растапливала очаг, готовила пищу, мыла посуду, поскольку бабка, так же как и роженица, считалась нечистой и не могла прикасаться к огню до тех пор, пока у ребенка не отпадала пуповина. Женщины, которые приносили продукты или же приходили узнать о здоровье роженицы, не имели права входить в чум, разговаривали и передавали продукты через открытую дверку чума.

Долганы, так же как и другие народы Сибири, полагали, что трудные роды можно облегчить, узнав имя подлинного отца ребенка. Бабка, принимавшая ребенка, обычно требовала у роженицы назвать имя любовника, если он предполагался; исключение составляли лишь вдовы, у которых этого спрашивать не полагалось. Если это не давало должного результата, то обращались к шаману. Последний надевал костюм и начинал шаманить, стоя на улице перед чумом. При этом он заставлял сделать из дерева изображение женщины «покровительницы» (няджи), над которой произносил соответствующее заклинание, после чего это изображение клалось рядом с роженицей. Поправившись женщина должна была хранить свою «покровительницу», употребляя ее при последующих родах. Садясь за еду, она «кормила» свою «покровительницу», бросая ей маленькие кусочки пищи.

Когда ребенок появлялся на свет, пуповину у него перевязывали ниткой и отрезали ножницами. После этого бабка, держа его над тазом, обмывала водой изо рта. Если новорожденный не проявлял признаков жизни, бабка брала металлическую трубку и через нее пропускала нитку, один конец трубки приставляла к заднему проходу ребенка и, заткнув ему ладонью рот, нос и уши, дула в другой конец трубки. В этом усматривали акт передачи ребенку дыхания, вследствие чего он якобы и оживал. О ребенке, родившемся в «сорочке», говорили, что он будет счастливым. «Сорочку» зашивали в покрывку чума или же, запиш в тряпицу, носили при себе, так как полагали, что она принесит счастье. Имея в кармане такую «сорочку», надеялись, например, быть оправданными на суде. Родимое пятно у новорожденного свидетельствовало о том, что он отмечен мышью. Долганы верили, что после смерти

этого человекамышь будто бы узнает его по мете и станет есть его труп.

Если ребенок рождался недоношенным, на 7 или 8-м месяце, его клали в неочищенный от содержимого желудок оленя специально для этой цели убитого, и держали там 1—2 месяца. Подобный режим требовал больших затрат, так как желудок, по словам стариков, приходилось заменять не менее девяти раз в месяц и, следовательно, столько же закалывать оленей. Если родители ребенка по бедности не бывали в состоянии убивать своих оленей, на помощь им приходили родичи. Ребенка, родившегося раньше времени всего на несколько дней, заверты-

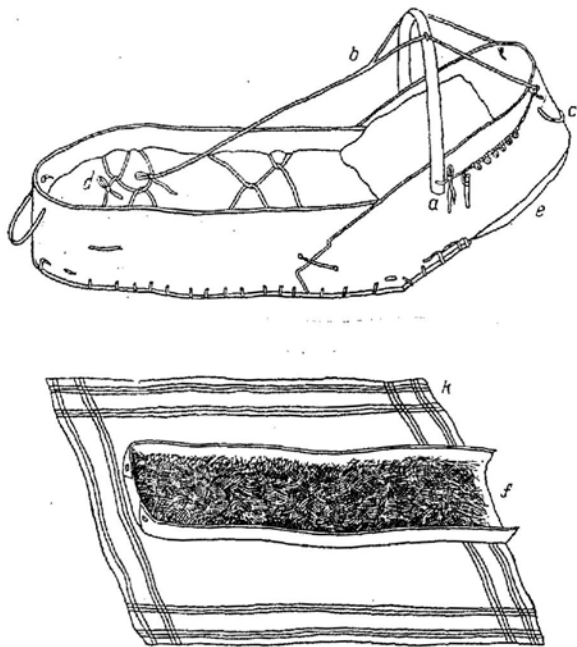

Рис. 3. Колыбель у долган:

а — тальниковая дуга; б — ремень, поддерживающий дугу; с — петельки для подвешивания колыбели; d — вязки; e — кожаное дно колыбели под головой; f — берестяной лоток с оленьим лишайником «jat-mulda» для впитывания мочи; g — пятачок или кусок ткани, на который связывается лоток и в который пеленают младенца. Длина люльки — 80 см., лотка 43 см.

вали в песцовую шкуру и, чтобы ему было тепло, подвешивали его на палке, идущей горизонтально над очагом и служащей для подвешивания котельных крюков. Во всех остальных случаях новорожденного избегали завертывать в песцовые меха, так как думали, что у него от этого будут острые, как у песка, зубы, которыми он станет прокусывать грудь матери.

Колыбель (рис. 3 и 4) готовили для ребенка заранее и, прежде чем впервые уложить его, клали в колыбель собаку и некоторое время укачивали ее, полагая, что находящийся внутри люльки нечистый дух вселится не в ребенка, а в собаку. При новорожденном боялись громко упомянуть имя злого духа (абасы).

Роженицу кормили самой лучшей пищей, сушками, белыми сухарями и убивали для нее жирного олененка. Если роженица была незамужней, отец ее предлагал виновнику появления ребенка прислать оленя, гово-

ря: «Пусть своему ребенку пошлет питание» (оготун мининя ыттын). Этим отцовские обязанности по отношению к внебрачному ребенку и ограничивались. На третий день после родов собирались гости, закалялся полученный от отца ребенка олень и устраивалось угощение. В тот же день роженица вставала с постели, и по сему случаю происходил обряд очищения. Бабка окуривала роженицу, новорожденного, себя, прислужницу и все вещи, к которым они прикасались, можжевеловым или светлой омолой

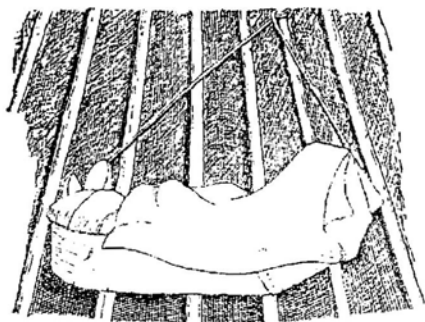

Рис. 4. Способ подвешивания люльки к жердям конусообразного чума.

дерева, которую для этой цели клали в ковш с горячими угольями.

Незадолго перед тем в отдалении от жилища устраивался из жердей конусообразный чумик (джукакан, рис. 5), внутри которого бабка утром, перед обрядом очищения, вешала послед, завернутый вместе с одеждой роженицы в ту оленью шкуру, на которой она рожала (рис. 6). Это делалось для того, чтобы послед не могли съесть «клыкастые» (асы-лактар) — собака, волк, песец.

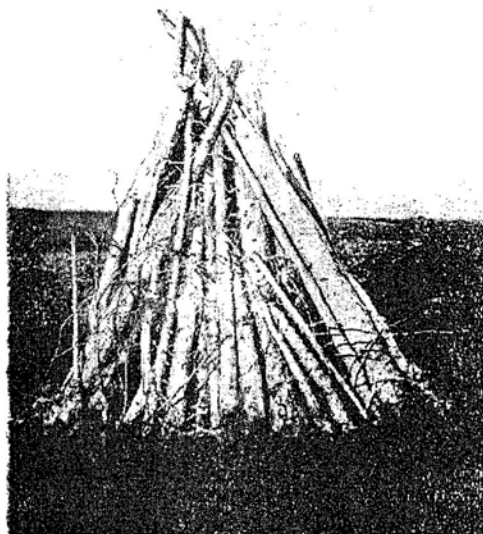

Рис. 5. Чумик, внутри которого вешают послед. Фото автора.

Если это произойдет, то женщина якобы перестанет рожать. Долганы верили, что если послед придавить камнем, то женщина перестанет рожать до тех пор, покуда послед будет лежать под камнем, исходя из чего многие женщины, не желавшие иметь детей, прибегали к подоб-

ному «противозачаточному средству». Послед называется у долган детской матерью (ого нята).

Когда после обряда очищения роженица впервые заходила в свой чум, ей давали маленький кусочек пищи, чтобы «соски ее не закупорились» (смейе карья диен). На третий день устраивалось угощение, за которым следовали пляски на улице. Присутствующие на торжестве друзья и родственники одаривали ребенка оленьчиками по второму году и разными вещами. Эти подарки назывались «няджима» и считались впоследствии неотъемлемой собственностью новорожденного или новорожденной. После пиришества роженица уезжала в гости к своим ближайшим соседям. При входе ее в чум ей протягивали маленький кусочек пищи (мяса, рыбы, лепешки), говоря: «Наши укладки разгрызут мыши» («нэкубютюн кутуйактар снетяря»). Первый выезд роженицы в гости носил название табыскыр.

Несмотря на «очищение» женщина еще полмесяца находилась под действием различных запретов. Так, например, до отпадения пуповины ребенка она не могла прикасаться к огню, не смела пересекать со стороны восхода солнца дорогу, по которой провозили перед тем семейные святыни. При несоблюдении этого ее ребенок мог заболеть или даже умереть, а сама она остаться бесплодной. В подобных случаях, чтобы предотвратить несчастье, призывали шамана и просили его при помощи камлания умиловить разгневанных духов. Виновную и ее ребенка окуривали оленьим или рыбьим жиром, положенным в ковш с горячими углями, который трижды пронесли у нее подмышками. Во избежание бесплодия женщина не должна была садиться на санки, на которых возили шаманские атрибуты. Бесплодность, полученную в результате нарушения этого запрета, также излечивали окуриванием.

Бабка у долган пользовалась большим уважением; особенно почитали ее дети, которых она принимала; они называли ее бабушкой (эбэ). При первых родах бабка обычно получала за труды важенку (самку оленя), в последующие разы — отрезки на платье и по куску душистого мыла и всякий раз по большому медному кольцу, символизирующему гениталии. Бедные семьи одаривали бабку в зависимости от своего достатка. Но если даже ей ничего не давали, она не вправе была у них просить, а тем более отказывать им в дальнейшем в своей помощи.

Если новорожденный напоминал лицом одного из своих умерших предков, то говорили, что в него перешла его душа (кут), и соответственно этому ребенка наделяли нехристианским именем этого умершего предка. Хотя долганы официально считались православными, они в большинстве случаев называли себя нехристианскими именами. Особенно это относится к долганам Норильского района. Редко встречающиеся у них христианские имена были более известны в своей уничижительной форме, например, Лимка (Филимон), Ванька, Филька и т. д., хотя изъясним их было лет по 70—80.

Нехристианские имена долган обычно имели апотропеическое значение. Так, например, мальчикам давали имя «Дапсайбул», происходящее от «дапси» — костной пластинки, предохраняющей руку от удара тетивы. Имя это должно было предохранять своего носителя от всяких болезней, являющихся результатом воздействия злых духов. Имя Турубул происходит от туру — шаманского столба, символизирующего священное мифическое дерево, где находится душа ребенка под защитой

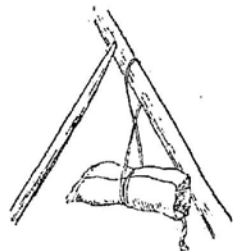

Рис. 6. Подвешанный к жердям чумика послед.

духа — хозяина дерева. Неудачные имена, не приносящие счастья, после соответствующего камлания шамана могли быть заменены другими. Если, например, ребенок часто болел, присутствующие старые люди говорили: «это ваш недуг» (эсиги сёчкёют) и давали ему вместо имени собачью кличку. Чаще всего это практиковалось по отношению к девочкам, которых называли собачьими кличками: Басыргас, Биалка, Сукачан (сучка) и др. (последнее имя носила и хозяйка чума, в котором я кочевал летом в Норильском районе; это не мешало ей быть женой одного из самых почтенных и уважаемых долган). Подобные апотропеические имена оставались на всю жизнь. По воззрениям долган, когда злой дух приходит к наделенным собачьими кличками детям, чтобы съесть их, то уходит обратно ни с чем, так как думает, что вместо человека нашел собаку.

Единственным продуктом питания долганских детей является материнское молоко. Детей кормят грудью до четырех-пяти лет. Если у матери не бывает молока, ребенка отдают кормилице. При этом, в зависимости от договоренности, ребенок остается у последней до известного возраста или навсегда. В первом случае, когда берут ребенка обратно, кормилице платят некоторую сумму. Молочная мать считается столь же близкой ребенку, как и родная. Сыновья и дочери кормилицы не могут вступать в брачные связи со своими молочными братьями или сестрами.

II

С появлением первого ребенка родителей переставали называть по имени и, в знак особенного почтения, говорили: «отец или мать такого-то, например: отец Подуо (Феодосия), мать Спири (Спиридона). Так их называли даже тогда, когда первенец умирал, стремясь этим как бы сохранить имя умершего. Мальчиков долганы называли хранителями богатства, девочек же — людьми чужих жителей. Ко всем детям, независимо от пола, не исключая и внебрачных, долганы относились весьма ласково. Мальчиков ласкательно называли «кюся» — хозяин (от русского слова хозяин), девочек — «кычай» или «кюсяйка» — хозяйка. Детей наказывали очень редко; особенно предосудительным считалось дурно обращаться с ними в присутствии гостей, чтобы те не могли подумать о родителях плохо.

Ребенка до совершеннолетия старались оберегать всевозможными средствами. У левобережных, «заречных» (заенисейских) долган рода Донгот мать не отпускала от себя ребенка до тех пор, пока он не будет в состоянии самостоятельно ходить по улице, и даже идя в гости брала его с собой. Это делалось для того, чтобы между нею и ребенком не мог пройти посторонний человек. Желая предохранить ребенка от злого духа, долганы подвешивали к колыбели мальчика с левой стороны деревянный или железный лучок со стрелой, с правой же стороны — деревянную модель ножичка в ножнах (рис. 7). К колыбели девочки подвешивали только модель ножичка. Семьи, у которых умирали дети, стремились предохранить оставшихся в живых от смерти тем, что предлагали какой-либо старой многодетной родственнице купить их фиктивно, за малую цену. «Покупательница», приехав в чум родителей, зажигала перед иконой свечу и говорила: «Я — старуха, воспитавшая много детей. Бог, присоедини мне этого ребенка, чтобы я могла его сделать сверстником своих детей!». «Купленное» дитя попрежнему оставалось в чуме у родителей. Полученную за ребенка «плату» родители расходовали на покупку свечей и ладана.

Если ребенок почему-либо вел себя беспокойно, родители думали, что к нему по ночам приходит злой дух. Чтобы его отогнать, шаман изготавливал деревянного идольчика — «детского друга» (ого догоро), ко-

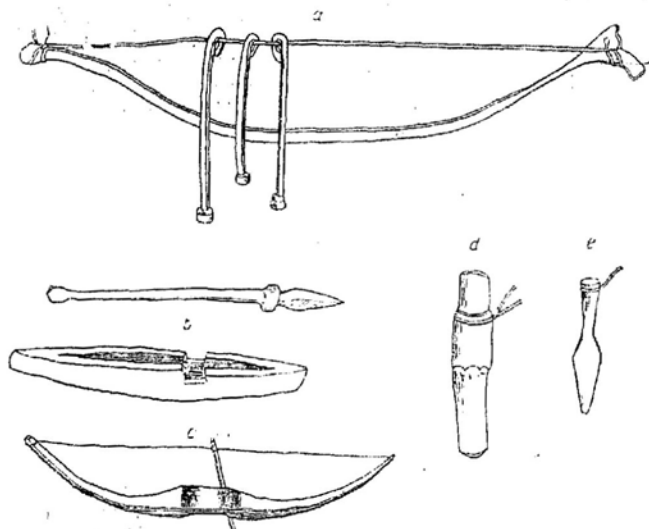

Рис. 7. Амулеты, привешиваемые к детским колыбелям.

a — железный лук со стрелами (дл. 20 см); *b* — деревянное копье и лулочка (кладется в колыбель); *c* — деревянный лук со стрелой (дл. 11 см); *d* — деревянный ножище в ножках (дл. 6 см); *e* — деревянный наконечник копья (дл. 4 см)

Рис. 8. «Детские дружки»:

a — деревянное изображение в тряпичной одежде; кладется внутрь люльки (дл. 11 см); *b* — деревянное изображение, прикладывается к внутренней стенке люльки (дл. 8 см).

торого подвешивали к внутренней стороне люльки (рис. 8). При этом шаман никаких заклинаний не произносил. Но если ребенок продолжал вести себя беспокойно, непрерывно плакал и сильно худел, это считалось результатом воздействия на него более сильного духа — «девки абасы» (злого духа). Если это был мальчик, то долганы думали, что «девка абасы» приходит к нему ночью и бесноконт его, пытаясь всту-

пить с ним в половое общение. По этому случаю встарину заставляли камлать шамана. Последний делал из гнилого дерева изображение женщины и, втянув губами из ребенка «девку абасы», внедрял ее в это изображение. Затем делал вид, что вступает с нею в половое общение, после чего отправлял ее в подземный мир. После камлания изображение женщины закапывалось в землю.

Рис. 9. Куклы из оленьих бабок:

а — женщины; б — мужчины

Долганы запрещали опираться на голову ребенка, опасаясь, что он перестанет расти, запрещали поднимать ребенка выше своей головы, считая это грехом, а также убивать птицу «далбаки» (?), которую называли душой ребенка. Когда ребенку исполнялось 6—7 лет, ему, неза-

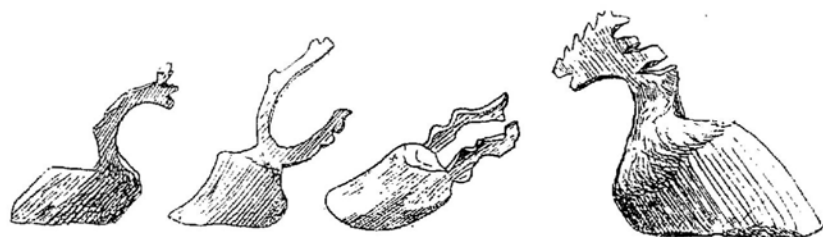

Рис. 10. Детские игрушки — «олени», вырезанные из тальника (дл. 3—8 см)

висимо от пола, протыкали иглой мочку ушей и через отверстие пропускали ниточку ссушенную из человеческих волос. По представлению долган, когда человек умирает, злой дух смотрит на его уши и, если они не проткнуты, отрезает их и употребляет вместо ложек. Продырявленные уши злой дух не трогает, так как дырявой ложкой нельзя черпать пищу.

Из игрушек долганских детей отметим луки и стрелы. Они отличались от настоящих лишь своими размерами, описание их дано в моей упоминавшейся уже выше работе по охоте и рыболовству у долган. Самодельные куклы делались из оленьих бабок, завернутых в тряпки или бумагу. Мужская кукла отличалась от женской отсутствием головной повязки в виде платка (рис. 9). «Олени» выделывались либо из разломанных спичечных коробок, либо из щепок, которые загибались посередине под прямым углом и в приподнятой части расщеплялись в виде оленьих ветвистых рогов, либо же целиком вырезывались из кусочка дерева (рис. 10, 11). Иногда оленей детям заменяли оленьи лодыжки или крупные камни; положенные сверху мелкие камни изображали всадников и выюки. Из кукол и изображений оленей составлялись на земле длинные «аргиши» (караваны), в которых нартами служили спичечные коробки. Большим успехом пользовались у долганских детей

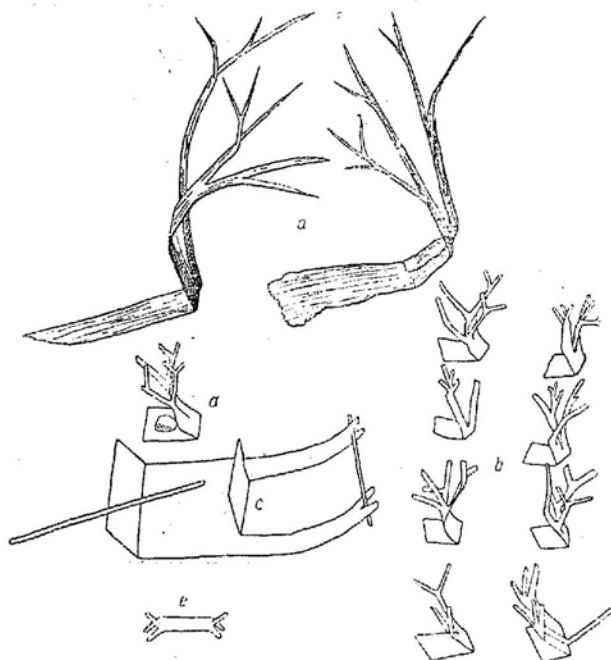

Рис. 11. Игрушки долганских детей:

a — «олени» из лучинок (дл. от 6 см, вып. от 8 см); *b* — олени в упряжи; *c* — нарта из спичечной коробки (на нарте лежит хорей); *d* — всадник (камышек) верхом на олени; *e* — собачка.

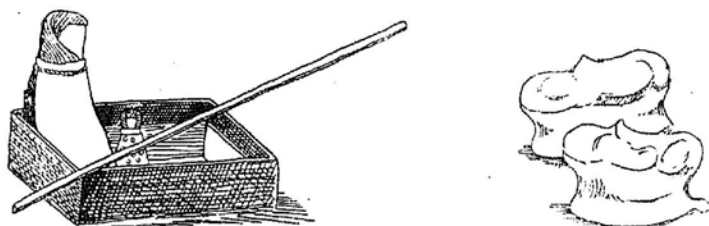

Рис. 12. Куклы едут на оленях: олени — кости оленьих лодыжек; нарта — спичечная коробка; куклы — олени кости («бабки»), завернутые в тряпицы; хорей (палка для управления оленями) — лучинка

вертушки из лучинок. Они бывали двух видов. «Пипик» представляла собой пластинку с двумя отверстиями, через которые пропускалась веревка, связанная вкруг; закручивая веревку с обоих концов и растягивая ее, приводили во вращательное движение находящуюся в середине пластинку (рис. 13 В). «Тыалы-ынгылар» (призывающая ветер) представляла собой лучинку с привязанной на одном конце длинной веревкой (рис. 13 А); взяв веревку за свободный конец, лучинку начинали вращать, и она, благодаря наличию зубчатых вырезов на краях, издавала жужжание. Странное название вертушки объясняется тем, что

звуки при вращении якобы навлекали непогоду, поэтому детям часто запрещалось играть ими.

Имеются детские игры, напоминающие наши: «кабылык» (подбрасывание рукой деревянных палочек и ловля их), подкидывание деревянной лопаточкой «ломуора» — деревянного цилиндрика длиной 6—7 см с заостренным расщепленным концом; в расщеп вкладывается кусок оленьей шкуры с шерстью. Участники игры, имея деревянную лопаточ-

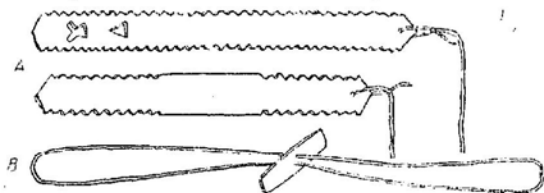

Рис. 13. Детские вертушки

ку длиной около 0,5 м, подбрасывает ею ломуор вверх и стараются не дать ему упасть на землю. Этой игрой также увлекаются и взрослые.

Зимой дети, особенно мальчики, играя, учатся ловить оленьим арканом. Для этого они устанавливают рядом черепа убитых оленей и на-

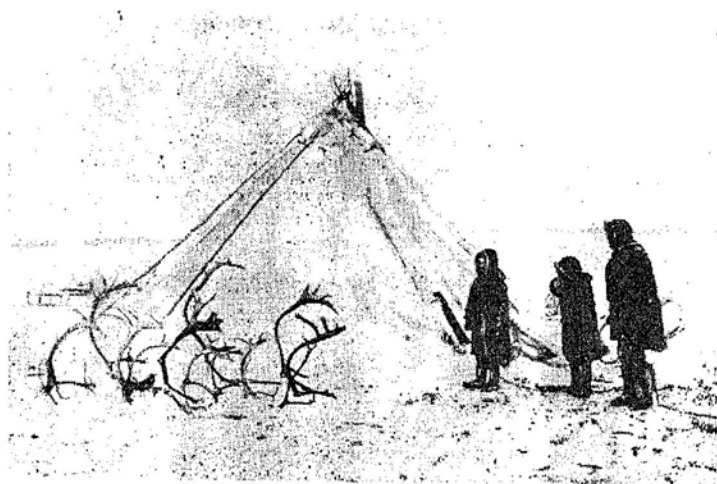

Рис. 14. Детская игра — ловля оленей арканом. Фото П. Б. Слепцова

брасывают на рога аркан. Таким образом с детства приобретается та удивительная ловкость и меткость, с которой долганы ловят оленей (рис. 14).

Упомянем еще игру в озера (кюэль онню). Из двух оленьих арканов делают на земле два круга на некотором расстоянии один от другого. Между ними становится «волк», который ловит перебегающих из одного озера в другое детей, изображающих оленей. Волк, поймав оленя, гладит его ладонью по лицу, тот становится «слепым» и помогает «волку» ловить «оленей».

Кроме перечисленных игр среди долганских детей большим успехом пользовалось составление из веревки на пальцах различных фигур, изо-

бражающих сети, спину расшитой женской одежды, ножку куропатки, мережу для ловли рыб и ножницы (рис. 15). С помощью веревки проделывались также различные фокусы, например, «резание пальцев» (или бысар, рис. 16), «пропускание ножниц» (каптыйы тасарар) и «кудушение» (монгуннарар).

Детский возраст, по представлениям долган, кончается очень рано: 8—9-летние дети считаются у них уже взрослыми, имеют своих оленей, на которых ездили; мальчики 10—12 лет получали право самостоятельно охотиться на диких оленей и участвовать наравне с совершеннолетними в общем разговоре и во всех семейных совещаниях. Девочки 10—12 лет помогали в хозяйстве, готовя еду и обшивая родителей. Еще до указанного возраста детям разрешалось курить табак.

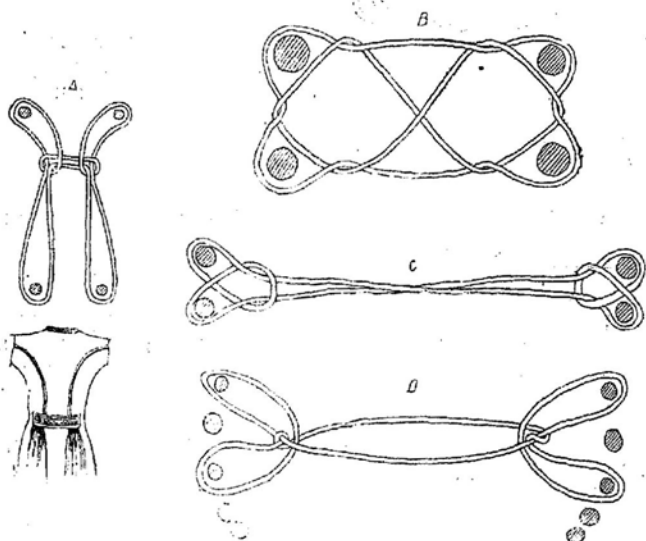

Рис. 15. Составление из шнура различных фигур на пальцах
 А — спина женской обуви; В — крупная рыболовная сеть; С — ножницы;
 Д — ножки куропатки

К своим родителям долганские дети всегда относились с большим почтением; подростки ежедневно после утренней и вечерней молитвы подходили к ним под благословение. Если дети отказывались помогать престарелым родителям, что случалось очень редко, суд старейшин обязывал их к этому. Сыновей или дочерей, обращающихся плохо с матерями, укоряли, говоря: «Подумай о том, как мать вынашивала тебя в продолжение девяти месяцев». Если старший сын, живущий вместе с отцом, относился к нему с должным уважением, он получал от отца разрешение распоряжаться оленями из стада по своему усмотрению, за исключением наделенных или полученных в дар, составляющих собственность кого-либо из членов семьи. Но если сын был мот и картежник, отец не только не давал ему такого права, но даже мог лишить его наследства. Такое лишение, впрочем, редко практиковалось, так как отец, в надежде, что сын оступится, женил его и отделял от себя, наделив полагавшимся числом оленей. Если сын проматывал в этих оленей, то отец иногда вторично давал ему из жалости 5—6 оленей, после чего сын уже не мог претендовать ни на что. Любимый же сын, уме-

ший угождать родителям, и после выделения наследства пользовался вниманием родителей, которые ему всегда оказывали помощь.

III

Долганские юноши и девушки встречались и знакомились на танцах, происходивших либо в дни бывших христианских праздников, либо на семейных торжествах (свадьбах, именинах и пр.). К приглянувшейся девушке молодой человек засылал женщину — «суорумджу» и просил ее переслать через эту женщину свое колечко. Если девушка симпатизировала молодому человеку, она исполняла его просьбу, но иногда говорила суорумджу: «Если он действительно на меня имеет мысль, пусть сам выпрашивает». Тогда молодой человек был вынужден выпрашивать у девушки подарок. При этом, отдавая кольцо, девушка говорила ему (или передавала через суорумджу): «Пусть он в такое-то время уплатит». В указанное время молодой человек отдаривал девушку более ценной вещью, чем подаренное ею кольцо. Молодому человеку, получившему от девушки кольцо, тем самым разрешались интимные ночные посещения. Если дело происходило летом, то любовник, живущий в другом чуме, приезжал днем, якобы в гости, в чум своей девушки и примечал, у которых по счету (от входа) жердей чума она будет спать ночью. С наступлением ночи любовник один или со своим приятелем подкрадывался к чуму. Если он приезжал на оленях, то привязывал их на некотором расстоянии. Чтобы не было

Рис. 16. Детские фокусы с бичевкой — «разрезание пальцев»

Наверху — схема петель бичевки (М — мизинец, Б — безымянный палец, С — средний, У — указательный, Б — большой). Снимают петли с большого пальца и тянут; веревка свободно снимается, как бы разрезая все пальцы.

шума, на ноги он надевал чулки с вывороченным наружу мехом. Подползая к чуму, любовник снимал натазники, отбрасывал дерн, придавливающий нюк у того места, где лежит его девушка, и пролезал таким образом в чум. Оставшийся снаружи приятель укладывал куски дерна на их прежнее место. Зимой, когда долганы жили в нартяных чумах, молодой человек, оставаясь ночевать, старался лечь поближе к своей любимой. Если же она спала в отдельном балоке или нартяном чуме, любовник тайком приходил к ней и откидывал концом своего ножа крюк запора. Девушка отдавалась «гостю» вполне добровольно, без ее согласия он не мог овладеть ею.

Любовники приходили к своим девушкам обычно тогда, когда все уже уснут и спят первым, наиболее крепким сном. Под утро же редко какая девушка решалась впустить любовника, боясь, что окружающие могут проснуться. Боязь эта была скорее притворная, так как в большинстве случаев родители смотрели на все это сквозь пальцы. Но бывали отцы, которые поступали иначе. У пойманного на месте любовника они отбирали одну оленью ляжку и пояс и даже одного оленя. Таких отцов общественное мнение сильно порицало. Подобные случаи чаще встречались в Норильском районе, на востоке же к подобного рода

делам относились снисходительнее. Но даже и в Норильском районе родители, заметив ночью присутствие любовника, ничего не предпринимали и только утром говорили ему: «Ты должен был бы нужду свою выполнить втайне», отнимали у него оленя и вышеуказанные части упряжи. В Норильском же районе некоторые ревнивые родители, желая уберечь своих дочерей от покушения любовников, укладывали их спать рядом с собой.

Иногда случалось, что девушка, несмотря на взаимный обмен подарками, ночью не допускала к себе любовника. В этих случаях некоторые из любовников просили вернуть им подарки. Такое поведение молодых людей отнюдь не поощрялось обществом.

Интимные отношения между молодыми людьми ни в какой мере не обязывали их к браку; прижитые вне брака дети не служили препятствием к выходу девушки замуж и обычно оставались у своего деда со стороны матери. Мне приходилось встречать долганских девушек, имевших двух-трех ребят, причем девушки эти не скрывали имен своих любовников. Одна почтенная, еще не старая долганка в присутствии мужа и многочисленных гостей даже с некоторой гордостью говорила, что она в девицах прижила трех сыновей, которые теперь ей помогают. Беременность девушек только тогда вызывала осуждение, когда обнаруживалась у невесты после говора. После брака иметь любовников или любовниц считалось предосудительным, что, однако, не мешало многим романтическим приключениям.

Насколько свободные половые общения считались у долган обычными, свидетельствует следующий рассказ, записанный мной у долгана Павла Яроцкого на р. Пясине, на станке Крыс.

«В старину две девицы жили, обе очень богатые. Одна — вольная, кто бы к ней ни пришел, с собой укладывает, будь то старый, будь то молодой; и кто бы что у ней ни просил, никому не отказывала, все, что было у ней, раздвала. Другая девица божьего земного человека² к себе не подпускала, очень чисто жила. Вольной другая говорила: «Зачем ты без стыда живешь?» Вольная говорит: «Я тех людей, которые со мной ложатся, отогреваю, как же им откажу?»

Вскоре после этого вольная умерла. После смерти видит: идет светлая дорога вверх, темная — вниз. Пойти бы ей по светлой дороге, да рыбных костей и много набросано много. «Как же в верхний мир попаду?» — говоря печалится. — «Должно быть это мои несчастья», — думает. Сзади кто-то ей говорит: «Куда пойдя, заблудилась?» — «Я после смерти дороги своей не найду». — «Ну, в мою сторону оглянись! Ты раньше, рыбу чистя, кости и чешую выбрасывала?» — «Да, выбрасывала». — «Это грешно», — говорит голос, — но все же это незначительный грех. Может быть еще имелись у тебя грехи, отчего ты заблудилась?» — говорит имеющий голос. Девка та говорит: «Грехи мои куда же денутся? Раньше вольной была. Говорили, что это греховно». — «Нет, это не грех», — говорит имеющий голос. — Ты мною создана, чтобы бездотной быть. Между тем, ложаешься вместе с людьми, многих, наверное, ты отогревала. Разве тебе непонятно, что это — благо? Ты посмотри-ка над головой своей! Девка посмотрела, наверху пресветлое-светлое небо раскрылось, по нему солнца лучам подобные три светлые веревки спустились. «Вот это сделанное тобой добро превратилось в нити, связывающие с айы» (добрые божества. — А. П.) Затем голос сказал: «Ты давала ли просящим у тебя?» — «Давала», — ответила девушка. — «Вот посмотри, во что превращается твоя щедрость». Когда взглянула вверх, многие цветные нити спускаются. Так, оказывается, поднялась эта девушка в страну айы.

Умирает и воздержная девушка. После смерти, на перепутье придя, также она заблудилась. Сзади голос послышался: «Какими грехами грешив, заблудившись стоишь?» На это говорит: «Грехов у меня нет». — «Хорошо ли чистила рыбу?» — «Хорошо», — отвечает. — «Я тебя предназначила рожать детей, почему ты, свое детородное место закрыв, никому не отдавая, жила? Не тот только зовется ребенком, у которого есть законный отец, и без отца рожденному не присуще ничто дурное это большой твой грех! Ну, а давала ты что-нибудь людям?» — «Одной старухе одну нитку раз подавала». — «Где это твоя нитка?» — «Где же я ее найду», поду-

² Людей долганы называют «божьими людьми» в отличие от «абасы» — злых духов.

мав, оглянувшись та девушка; глядь, ее нитка на плечах человека лежит. Взяв эту нитку, человек говорит: «Мало ты хорошего имеешь, оказывается! Но все же дай, попробуй, может, нитка тебя и выдержит!». Заставил ту девку взяться за конец нитки и попробовал было поднять. Где же нитке выдержать? Нитка оборвалась, и девка в преисподнюю провалилась».

Существование в прошлом так называемого «гостеприимного гетеризма» у долган находят подтверждение в двух литературных источниках. У Третьякова читаем: «Не без ропота иногда соглашались девушки на жертву целомудрия для минутного гостя, которого хотел почтить хозяин»³. Второе упоминание мы встречаем у Латкина: «В старые годы, даже еще в нынешнем столетии, отец нередко продавал свою дочь или сестру заезжему гостю, пообещавшему за это приятное угощение, хорошо заплатить, или даже даром, если этому гостю нужно было чем-нибудь особенно угодить ради своего личного интереса или прибытка. Ныне обычай этот совсем вывелся»⁴.

IV

До самого недавнего времени считалось большим грехом (айны) мужчинам оставаться холостыми, женщинам незамужними. После смерти «души их должны были стать еретиками» (джеретинник), пугающими живых людей, оставаясь на земле у могилы умершего, не уходя в страну мертвых. Но если девушка, оставаясь незамужней, рожала детей, душа ее не превращалась в «еретика». Также считалась грехом женитьба вдовца. Поженившись, долганы редко расходятся, боясь греха. Беря себе первую жену, мужчина действует по предопределению доброго божества: эта женщина для него рождена и ему предназначена. Если вдовец после смерти жены женится вторично, айы (доброе божество) перестает к нему хорошо относиться (айытын эйетя арагар). Айы не указывает человеку в жены десять женщин, а назначает только одну. Поэтому вторичный брак совершается не по соизволению айы, а по собственной воле человека. Когда двоеженец умирает, он в загробной жизни соединяется с первой женой, вторая его жена находится отдельно у своих родственников по материнской линии. Если же долган после смерти своей второй жены женится и в третий раз, то уж это случается по внушению злого духа — абасы, и человек впадает в большой грех. После смерти он вместе со своими женами уходит к абасы.

Если для вдовца считалось греховным вступить в брак вторично, то вдове запрещалось выходить замуж. Когда вдова приживала ребенка, это не считалось предосудительным, только она не должна была сходиться с родственниками умершего мужа. Таким образом, запретным считался официальный брак, но не внебрачные отношения, что указывает на позднейшее возникновение такого запрета, может быть, под влиянием христианства. Самое слово «джеретинник» есть не что иное, как русское «еретик», известное и якутам.

Браки между малолетними в недавнем прошлом были очень распространены. Два друга «женили» своих малолетних детей. Отец мальчика «брал к себе девочку своего друга. Мальчик и девочка воспитывались вместе, как брат и сестра, лет до десяти, когда их женили. Иногда отцы договаривались о женитьбе своих детей, когда они были очень маленькие. Отцы давали друг другу обещание, что дети их впоследствии обязательно должны стать мужем и женой. При этом отец жениха отдавал

³ Третьяков. Туруханский край, его природа и жители, 1869, стр. 406.

⁴ Н. В. Латкин. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее, СПб., 1892.

Отцу невесты часть калыма (тыл бастынгата — начало уговора): хорошего оленя и песцовую шубу. Дети лет до десяти жили отдельно, каждый у своих родителей, затем их женили. Если ко времени женитьбы девочка умирала, отец ее должен был возвратить взятую часть калыма. В случае отказа прибегали к помощи суда старейшин.

Много бывало неравных браков. Так, если имелась красивая и работающая девушка лет 15—18, ее сватали мальчику 7—8 лет. Невеста жила в чуме жениха в качестве воспитанницы, пока жених не подрастал. Так поступали родители жениха, чтобы не упустить красивую и хозяйственную невестку. При неравных браках большое значение имело также экономическое и общественное положение старого жениха или старой невесты.

Детей принято было женить (или выдавать замуж) по старшинству, чтобы, отделив старших детей, тем самым отстранить их от права наследования. Тогда они после смерти отца не мешают младшим братьям получить полагающееся им наследство.

Браки среди родственников у долган обычно разрешались только в четвертом поколении по материнской или по отцовской линии, но часто допускались и нарушения этих запретов. Например, в Норильском районе, если у вдовы не бывало сына, она отдавала свою дочь за сына своего младшего брата, говоря, что она «возвращает свою кость» (унгуокпун тённёрёбюн). Если по отцовской линии до четвертого поколения оказывалась девушка хозяйственная и работающая, брали ее в жены родственники по матери, говоря, что в старину из этого же рода брали себе жен их люди. Вообще у долган была тенденция, чтобы браки после третьего поколения, когда уже родства не будет, совершались между потомками братьев и сестер, «чтобы родство вернулось в свое поколение».

Как на пережитки группового брака следует указать на кузенный брак и на левират. Оба эти явления можно было встретить еще совсем недавно в Норильском районе. Согласно обычаю левирата, младший брат женился на вдове своего старшего брата. Если младших братьев было несколько, женился тот из них, который первым успевал сделать предложение.

Запрещались браки между приемными братьями и сестрами, так как родной и приемный отец считались родственниками. Но приемному сыну разрешалось жениться на дочери брата приемного отца и наоборот. Близкими почитались лишь родственники до четвертого поколения. Родственники по мужской и женской линии из другого рода считались дальними — сыджан. Наиболее близкими, сюржак уру — «сердце родственниками», назывались: а) внук или внучка для деда или бабушки и б) между собой — сыновья (или дочери), братья и сестры (см. таблицу родства в конце статьи).

Порешив сватать девушку, родители жениха выспрашивали окольными путями у родственников о ее достоинствах и недостатках. Часто случалось, что родственники невесты обманывали родителей жениха, приписывая девушке небывалые достоинства, а впоследствии оправдывались перед ними, говоря: «Пестрота птицы снаружи, пестрота человека внутри, почем мы знаем, что она имеет дурные качества». Родные невесты также собирали сведения о женихе.

Перед женитьбой сына или выдачей замуж дочери родители советовались с близкими родственниками отца; из числа последних исключались замужние сестры отца, которые считались посторонними. Если большинство родственников на совещании высказывалось против брака, он расстраивался.

Перед тем как выбрать невесту, высчитывали, из какого рода чаще всего брали себе жен их предки, и старались выбрать ее из этого же

рода. При сговоре родители как жениха, так и невесты совершенно не считались с желаниями своих детей.

Сватом (суорумджу) обязательно должен быть человек пожилой и уважаемый, бойкий на слова, не обидчивый, имеющий большую выдержку на случай, если отец невесты захотел бы испытать его терпение. Таких сватов-профессионалов бывало немного, их знали наперечет и посылали за ними за 100—200 километров. Сговор никогда не происходил в конце дня. Считалось, что сватовство в конце дня бывает несчастливим. Если сват приезжал поздно, он заводил разговоры о цели своего приезда только на другое утро. Перед тем как отправиться к невесте, сват договаривался с отцом жениха относительно размера калыма за невесту, исходя из которого, он мог вести переговоры. Но часто сват вынужден был увеличить стоимость калыма из-за несговорчивости отца невесты. При этом отец жениха должен был уплатить обещанный сватом калым без всяких возражений, как бы высок он ни был.

В районе восточной тундры сват, приезжая к родителям невесты, заходил в чум, крестился на образа и, поздоровавшись со всеми за руку, говорил стоя: «Вот я по закону прибыл к этому твоему ребенку. В сегодняшней день говоримые слова от бога испрашивайте. Поэтому вот человек с таким-то именем (называл), от головы до ног кланяясь, от бога испрашивая, наших детей желает сделать имеющими одну постель. Вот ради этого, прося чистым сердцем, для начала (дословно: для раскрытия) я кладу». После этого из кошелька вынимал десять рублей и клал их на стол. По словам долгана Онуфрия Поротова, сват иногда вместе с деньгами клал на стол и шкурку лисицы. В случае согласия отец невесты деньги принимал. Если же он был по долганским понятиям человек порядочный (мапы), то говорил: «Грех, что за причуды, и без этого переговорим». Сват, пожмая руку, благодарил его. Случалось и так, что родители невесты ничего не говорили свату и денег назад не возвращали. В таких случаях сват, не дожидаясь ответа, ехал назад. Если при вторичном приезде свата деньги и лисица оказывались за дверьми, это означало отказ. В случае согласия деньги попрежнему лежали на столе.

По словам Степана Дуракова, сват, возвращаясь к отцу жениха, говорил: «Они как будто молчат», давая этим знать, что переговоры могут продолжаться. После этих слов сват снова ехал к родителям невесты, захватив с собой подарки: для отца шкурку лисицы, для матери шкуру волка и для старшего брата невесты шкурку лисицы или волка. Приехав на место и войдя в чум, сват говорил: «Ну, старик со старухой, посоветуйтесь от всего сердца. Для вашего совета моего сердца и моей печени подношение». Если родители невесты были против, они сбрасывали шкурку на пол. Если же они этого не делали, сват, ни слова не говоря, ехал обратно к отцу жениха и выжидал там несколько дней. Родители невесты, в случае несогласия, деньги и шкурки отсылали назад с посторонним человеком. Если этого не случалось, сват опять ехал к родителям невесты и, войдя в чум, сразу же спрашивал: «Что надумали?». Родители невесты молчали; тогда сват говорил: «С того времени, когда еще земля была величиной со шкуру с головы оленьего быка, бея человека (в жены), растапливая огонь, живут. От этого люди, рождаясь и размножаясь, живут из века в век. Вот ради такого предопределения человек, от человека взяв (жену), живет. Поэтому я прошу: рассуди! Затем, если так, ум свой и мысли свои умерьте!» (дословно: держите). Если молчанье продолжалось, это означало согласие, и сват вынимал из-за пазухи и отдавал отцу шкурку лисицы, матери — росомахи. Отец невесты после этого обращался к свату: «Если действительно всем сердцем и печенью просите, тогда не знаю». Сват усаживался и говорил: «Старик со старухой, я может быть и позабуду что-либо,

если бы что-либо хотите рассказать — расскажите, если только имеете ко мне слово». На это отец говорил, обращаясь к матери невесты: «С какими же словами буду я — человек? Ты скажи». Мать отвечала: «Что буду знать? Я только родила ведь. Ты будешь знать, ты мужчина. Ты — много раз мерзнувший и страдавший ради нее». Этим исчерпывались разговоры о согласии.

Но не всегда дело улаживалось так скоро. Случалось, что отец невесты начинал говорить, что он никакого согласия не давал, а если и был повод думать о положительном ответе, то это было лишь простой случайностью, что сват напрасно пристаёт к нему. В таких случаях со стороны свата требовалась большая выдержка и умение вести искусные переговоры, которые почти всегда кончались в пользу ловкого свата.

В Норильском районе упорствующий отец невесты, соглашаясь говорить: «Так и быть, дай мне лучшего оленя». Сват исполнял это требование. Иногда отец невесты молчал, тогда сват вынужден бывал «на раскрытые рта» дать ему шкуру лисицы. Но и это иногда не помогало. Тогда сват начинал держать себя вызывающе, чтобы выудить у отца невесты хоть одно слово и втянуть упрянца в дальнейший разговор.

По получении согласия начинались деловые переговоры относительно калыма, требующие больших дипломатических способностей со стороны свата. Калым (сулу) делился на две части: 1) передний калым (бастыкы сулу), названный так потому, что отдавался сначала, состоял, главным образом, из вещей и небольшого числа оленей; 2) черный калым (кара сулу) — большой, состоящий исключительно из оленей. Определенных размеров для калыма не существовало, величина его определялась по уговору, в зависимости от различных условий (знатность происхождения, красота невесты, жадность родителей и т. д.). Мною в качестве примеров записаны следующие размеры калыма:

Большой размер: 1) передний калым — на выбор: четыре быка, четыре нетели, один верховой олень «манщик» (дрессированный для охоты); старухе (матери невесты) — два оленя: передовой и пристяжной на одну нарту, «чтобы она до самой смерти могла ездить на них»; три волчьи или россомашьи шкуры, четыре лисьи шкурки, две шкурки голубого песка и одна соболя, два ровдужных (летних) нюка (покрышка для чума), четыре песцовые шубы и кроме того одна песцовая шуба для старухи, женские волчьи наголенники, песцовое одеяло, хорошее платье для старухи, медный котел и ружье; 2) черный калым — 60, 80 или 100 оленей.

Средний размер: 1) передний калым: три ездовые нарты (отцу, матери и старшему брату невесты) с упряжью, из трех оленей, всего девять оленей; четыре волчьи или песцовые женские шубы, ровдужный нюк, две лисьи, одна россомашья, две волчьи шкуры и от 60 до 100 рублей деньгами; 2) черный калым — 60 оленей.

Малый размер: 1) передний калым: 10 или 12 отборных оленей, две волчьи, две россомашьи и две лисьи шкуры; более зажиточные прибавляли к этому еще шкуру лисицы, шкуру голубого песка и пять или шесть шкурок обыкновенного песка; 2) черный калым — от 40 оленей.

В старину в состав богатств богатого калыма входили котел и ружье с кремневым замком, представлявшие большую ценность.

В то время, как для переднего калыма выбирались самые отборные молодые и лучшие олени, черный калым составлялся из оленей среднего качества. Когда передний калым был готов, отдавали его на другой же день; если нет, просили подождать и договориться о сроках. Длительный срок отдачи калыма служил препятствием

к браку. Когда большая часть переднего калыма уплачивалась, невесту не задерживали, и даже, если впоследствии жених отказывался от уплаты остатка калыма, брак не расторгался. Родители невесты обычно утешались тем, что если зять честный человек, то он когда-либо заплатит. Действительно, случаи невыплаты бывали очень редки. Однако, если из 60 оленей калыма было отдано сорок, то в приданое вместо пяти нарт отдавали три. Из калыма в первую очередь уплачивали восемь оленей, ровдужный нюк, шубы, шкурки зверей и деньги. Когда передний калым уплачивался, уставлялись о дне пригона оленей черного калыма; этот день должен был обязательно совпадать с первым днем свадьбы. При этом все веревки приведенных в калым оленей вместе с одним оленем возвращались назад отцу жениха, «чтобы веревки не вернулись пустыми».

После сговора свободная жизнь как жениха, так и невесты ограничивалась; они уже не принимали участия в свиданиях молодежи. Если родственники с невестинной стороны (кынгаттар) видели жениха танцующим с девушками и узнавали, что он продолжает обмениваться с ними подарками, осуждали его, говоря: «Давши слово, он должен был воздерживаться».

В день свадьбы чума отца невесты и отца жениха устанавливались поблизости. В зависимости от материального благосостояния у каждого чума убивалось от одного до пяти оленей для угощения собравшихся гостей. Кроме того, жених убивал еще одного оленя и мясо его посылал отцу невесты. Затем жених, вместе со своими приятелями, ловил оленей для черного калыма. В то же время молодые люди около чума невесты ловили оленей, отдаваемых в приданое. Невеста танцевала на улице, с подругами и молодыми людьми. Поймав оленей для черного калыма, привязывали их на одну веревку, одного за другим, к задней спинке нарты свата, который ехал впереди жениха и вел их.

Сват и жених, подвезая к чуму невесты, трижды по ходу солнца объезжали вокруг чума. Затем сват один, без жениха, заходил в чум и говорил: «Зять приехал». В это время присутствующие запускали приведенных оленей в специальную загородку, устроенную из натянутых к деревьям арканов и опрокинутых нарт. Вместе с женихом приезжало много гостей. На улице сват за руку подводил жениха к отцу невесты; жених вел на ремне важенку (няльджин) и передавал ее будущему тестю. Затем жених вместе с гостями оставался на улице до тех пор, пока не приготавливали угощение и не постилали брачное ложе; его стелила одна из родственниц невесты.

В то время, как гости ожидали на улице угощения, сват, неоднократно перебегая от чума невесты к гостям, в насмешливом тоне передавал им о том, что делается внутри чума. В это время отец невесты принимал оленей черного калыма. В районе восточной тундры все олени обычно принимались безоговорочно; в Норильском же районе отец невесты часто браковал некоторых оленей, отсылал их обратно, ожидая вместо них других. При требовательности отца невесты дело иногда затягивалось до позднего вечера.

Чванливый отец невесты заставлял гостей долго мерзнуть на улице. Когда, наконец, угощение и постель были готовы и олени черного калыма приняты, сват вводил в чум одного только жениха и заставлял его молиться перед иконами. Невеста становилась рядом и молилась вместе с женихом. После этого сват обращался к жениху: «Большому тестю кланяясь, попроси у него руку». Жених и невеста кланялись в ноги и подходили под благословение к родителям невесты и ко всем родственникам старше ее по летам. Те благословляли и давали целовать руку с пожеланиями всякого благополучия. При этом сват отдавал отцу невесты десять рублей, а всем ее родственникам — отрезки материи

и платки. В Норильске вместо денег сват вручал отцу невесты шкурку лисицы, а матери — шкурку песца или шубу. Эти подарки носили название юнгу — мольба, просьба. После этих подношений присутствующая родня невесты вставала и здоровалась за руку с женихом, не делая этого в отношении сопровождающих.

После обряда благословения жениха и невесту сажали за полог, и только когда они усаживались там, впускали гостей по строго установленной очереди. При этом родственники невесты выходили на улицу и за руку вводили гостей: взрослые — взрослых, дети — детей, и рассаживали их: в первую очередь вводились самые близкие родственники и наиболее почетные гости, а также иноземцы (якуты, русские, тунгусы). Чтобы не ошибиться, родные невесты перед впуском справлялись у знакомых, кто из гостей имеет право на первую очередь. Перед впуском гостей выбирались два человека — «люди, показывающие будущее» (ыр кёрдёрёр джон) из числа талантливых импровизаторов. Один из них выставлялся родней жениха, другой — родней невесты. Наличие их не всегда было обязательно.

Когда все почетные люди усаживались, отец невесты обращался: «Гости! Какие разговоры имете?» Сват отвечал: «Имеем слово». Тогда человек с жениховой стороны витиевато и красочно описывал предстоящую жизнь молодых в согласии и ладу между собой, говорил о числе детей, о богатстве и т. д. и заканчивал: «Мои слова окончились, теперь вы расскажите». Тогда такую же речь произносил человек с невестинной стороны. Смотря по тому, какая речь была лучше, судили о более счастливой жизни жениха или невесты. После этого женщина из родни невесты поила гостей чаем и распоряжалась угощением. После «первой еды», т. е. после чая, «пока еще не раскрыли стол» (остуолу асыар иннигер), еще не начали угощаться, — все гости выходили на улицу и молодежь до «второго» угощения затевала танцы. В это же время происходил обряд раздачи калыма (сулу туттарар).

Если отцу невесты по бедности было не под силу собрать требуемое приданое, он объезжал своих близких родственников и просил дать для приданого какую-либо вещь, например шубу, котел и т. д., а за это обещал уплатить оленями из калыма. Если же отец невесты был состоятельным, он раздавал оленей калыма близким родственникам, говоря: «Вот вам мой подарок ко крестному вхождению моего ребенка». Получившие оленей родственники через год одаривали новобрачных вещами, превышающими стоимость полученных оленей. Получившие оленей тут же вырезали на их ушах свои знаки и привязывали оленей к своим нартам. Затем гости возвращались в чум. Жених и невеста выходили из-за полога и селились вместе со всеми. После первой смены угощали вторую смену гостей, состоявшую из незнатных людей. Впуск гостей в чум в две смены долганы объясняли тем, что испробовать самую лучшую пищу должны почетные люди и иноземцы (бастынг асы джосун киен, орук киен колукутак); в действительности же это вызывалось малыми размерами чума.

В некоторых семьях в районе восточной тундры жених проводил брачную ночь в чуме невесты и только на третий день увозил ее. В Норильском районе невеста в старину ехала верхом на олене, которого, вела на новоду почетная старуха из родни жениха, опираясь на деревянный крюк для вешания котла (этот крюк она оставляла себе). Невесту с обеих сторон поддерживали две женщины.

Перед приездом невесты в чум жениха привозили брачную постель. Впереди ехал сват, после него жених и за ними уже невеста, имея сзади на привизи оленей, нагруженных приданым. Невеста надевала две шубы из сукна (сочтан) и доху, расшитую узорами (ардайдах сангылах).

В Норильском районе о размерах приданого договаривался сват, в других местах этого не делалось, так как приданое зависело от размеров калыма. Если для калыма выделялось 60 оленей, то приданое состояло из 45 оленей. Богатое приданое состояло из 60—70 отборных оленей различного возраста, не упряжных и не старых. Телят должно было быть не более двух или трех. Кроме оленей в приданое входило у богатых семь, у бедных пять нарт, запряженных лучшими оленями (по паре у богатых и по одному у бедных). В число этих нарт включался также и нартяной чум, под который запрягались четыре оленя.

В нартах находились шкурки песца или волчьи, нюки (у богатых на целый чум, у бедных на половину чума), 15—16 женских и грузовых оленьих седел, зимняя упряжь с поясом из цветного сукна, вышитого бисером, женский посох для верховой езды с железным крюком с насечками, самовар, чайник и другая посуда, дорожный покупной погребец, украшения и пр. Все это должно было быть новое, недержанное или по крайней мере чистое.

В приданое давались две шубы, из которых одну надевала невеста: каждая из этих шуб должна была иметь отдельно надевающийся суконный верх, расшитый по подолу цветными лентами или бисером. Из одежды в приданое включались также: женская меховая обувь, расшитая бисером, и волчьи наколенники. Перед тем, как вещи, входившие в приданое, укладывали в сундуки, во внутрь их клали мелкие деньги, чтобы каждая из них «имела нутро». Каждая из санок, выделяемых в приданое, должна была иметь груз, хотя бы и незначительный, так как привозить их пустыми считалось грехом. В Норильском районе на каждую нарту с приданным клали по кусочку мяса специально для этой цели убитого оленя. Это называлось содержимым сумы (матанга ися). Приданое на нартах покрывалось оленьими шкурами и увязывалось веревками.

Когда поезд с невестой подъезжал к чуму жениха, сват шел к родителям жениха и объявлял им о приезде. Прибывшие трижды по ходу солнца объезжали вокруг чума. В Норильском районе сама невеста объезжала вокруг чума, но, когда она заходила в чум, кто-нибудь другой водил ее оленей. Назывался этот обряд — введение в пепслице (сараны булларар). Невесту вводила в чум жениха знатная старуха, обязательно не родственница. Невеста вместе с женихом молились на иконы, затем земно кланялись отцу и матери, подходили под благословение и целовали руку. Родители жениха благословляли новобрачных, желая им счастливой жизни. Невеста при этом одаривала их деньгами или шкурами дорогих зверей, причем подарки эти должны были быть гораздо дороже подарков жениха, так как отец невесты желал прихватить перед отцом жениха. В чуме жениха также происходило угощение гостей в две смены. В старину на свадьбу всегда призывался шаман. Он перед угощением, стоя в обычной одежде, без обрядового костюма, и опершись на олений посох невесты, призывал благоволение добрых божеств и духов, выражая новобрачным пожелание долгой и счастливой жизни. После этого первая, почетная смена садилась за угощение.

После этого отец жениха выходил смотреть оленей, даваемых в приданое, и предлагал выбирать из их числа людям, оказавшим материальную помощь при снаряжении калыма. После угощения, при свете дня происходил обычай просмотра приданого, не имеющий места у норильских долган. Отец жениха выходил на улицу, просматривал все вещи приданого, раскрывая сундуки. Если приданое оказывалось не равноценным калыму, это вызвало всеобщее осуждение. Обычно отец невесты старался включить побольше ценных вещей в приданое, чтобы не опозорить себя. Этим кончались обряды долганской свадьбы. Собранные гости проводили день в еде, играх и плясках и поздно вечером

уезжали. Отец и мать невесты оставались у жениха три дня. Отец жениха дарил родителям невесты перед их отъездом одного оленя (ого керёрю), на которого они должны были смотреть вместо своей дочери. Этого оленя очень берегли. На третий день утром молодая разливала чай. За этим чаем отец громко поучал ее: «Ты с этого времени должна больше слушаться своего мужа. Свекровка твоя отныне все равно, что твоя родная мать. Свекор — что твой родной отец. Почитай их и слушайся, не ругайся с ними».

У норильских долган молодая в продолжение трех дней не работала в чуме, не готовила пищу и не прикасалась к огню. Только на третий день она варила мясо, привезенное с собой. С этого времени молодая должна была слушаться свекрови и свекра больше, чем своих родителей. Между невесткой и родителями мужа устанавливались определенные запреты. Так, невестка не могла пить чай из чашки свекра, свекор — из чашки невестки. Свекор не мог садиться на постель невестки.

Сиротам свадьбу устраивал род отца, при этом приданое снаряжали из пяти нарт.

V

Муж и жена при обращении говорят друг другу: «Э дуо!» (эй, друг!), не называя по имени. Муж, упоминая о жене, говорит: «моя старуха», жена о муже — «мой человек». Только в редких случаях муж и жена зовут по имени один другого, но это считается признаком дурного тона и указывает на взаимное неуважение супругов. Якутское слово «ойах» — жена — у долган почти не встречается, особенно в Норильском районе, и заменяется словом «джактар» — женщина. Мужчина говорит не «моя жена», а «моя женщина». Основным трудом мужчины считается уход за оленями и охота. Если семья испытывает недостаток в еде, винят в этом мужчину. Женщина выполняет все домашние работы. У хорошей хозяйки чум должен быть теплым и чистым, юпки не дырявые, тщательно заплатаемые. По состоянию чума судят о хозяйке.

Олени, за исключением полученных женой в подарок от родственников (няджыма) или в результате гощения (ыаллаты таба), а также запрягаемых под ее нарту и под нарты с ее имуществом (посуда, одежда и мелкие предметы домашнего обихода), считались собственностью мужа. Из этого исключались олени детей, полученные ими в подарок от родственников. Собственностью жены считалось содержимое санок приданого, включая посуду, шкурки зверей и деньги. Этим имуществом женщины имели право распоряжаться по своему усмотрению. Некоторые мужья чинили этому препятствия, но такое поведение рассматривалось как правонарушение. Деньгами, полученными от продажи своего имущества, женщина также имела право распоряжаться по своему усмотрению. Олени, входившие в состав приданого, считались приносящими счастье, и некоторые семьи их нигде не продавали в продолжение трех лет. В семье могли быть песчовые ловушки-пасти, принадлежащие жене, сыновьям и дочерям. Но это было только фикцией, так как все попадающие в пасти песцы считались собственностью отца. Причина этого заключалась в следующем: когда в пасти переставала попадаться добыча, отец семьи, их владелец, думал, что это случилось оттого, что ушло счастье и что, может быть, зверь попадает на счастье кого-либо из семьи; тогда отец фиктивно распределял свои пасти между членами семьи. Когда дочь выходила замуж, эти пасти, представлявшие ее фиктивную собственность, оставались во владении отца.

Разводятся долганы очень редко. Причинами развода служат: неверность мужа или жены и другие семейные неполадки. Если на суде старейшин подтверждалась виновность жены, она должна была возратить мужу половину стоимости калыма; если же виновным оказывался муж,

то-он-должен был вернуть жене половину ценности приданого. Когда приданое бывало более ценным, чем калым, или калым по ценности был больше приданого, возвращение половины стоимости не происходило. После развода женщина уходила к своим родителям или родственникам, которые обязаны были содержать ее, не трогая ни ее оленей, ни ее собственности; она считалась равноправным членом семьи и помогала по хозяйству. Ее дети обычно оставались у отца.

Хотя долги неодобрительно относились к вторичному браку вдовы (см. выше), но при выходе вдовы замуж также устраивалась свадьба. Если она выходила замуж без согласия родственников умершего мужа, последние отбирали ее детей и половину имущества, оставшегося после смерти мужа. При наличии у вдовы трех детей родственники мужа отнимали у нее только двоих. Если мать не желала отдавать детей, родственники соглашались подождать, пока дети не станут совершеннолетними. Если дети вдовы до совершеннолетия оставались при матери, вышедшей замуж, большая часть имущества оставалась при ней и только незначительная часть переходила к брату умершего мужа. Если на детей вдовы претендовали несколько родственников, суд старейшин приговаривал всех детей вместе отдать одному, чтобы не разлучать их друг с другом. Этому опекуну передавали изъятую у вдовы половину имущества мужа (оленей). Опекун должен был содержать этих оленей в полной сохранности и впоследствии вместе с приплодом передать их своим опекаемым. Если опекун плохо содержал детей, общество передавало их другому родственнику. Если дети оставались круглыми сиротами, их брали на воспитание родственники по отцу. Родственники по матери только тогда брали детей, когда в момент смерти отца или матери не было родственников по отцу. Последние, узнав об этом, приезжали к родственникам матери и забирали у них детей умершего, не желая оставлять их в чужом роде.

При выходе вдовы замуж за своего родича имущество ее покойного мужа оставалось при ней, но если она уходила в чужой род, ей оставался произвольный маленький надел, а остальную часть имущества умершего оставлял у себя род последнего, так как считалась недопустимой передача имущества чужим (бай омука барара туктери).

Отец перед смертью наделял своих детей, живущих совместно с ним, наследством и, кроме того, дарил по одному оленю своим ближайшим друзьям, прося детей, чтобы они относились к ним с большим уважением ради его памяти. Дети, жившие самостоятельным хозяйством, наследства не получали, так как им выделена была доля еще при жизни отца. Наследниками становились младшие сыновья, жившие вместе с отцом до самой его смерти. Ловушки-пасти вместе с другим имуществом также передавались по наследству. До совершеннолетия наследника его пастями безвозмездно пользовался кто-либо из родичей.

Если умерший имел воспитанника, взятого же у своих братьев или без их согласия из чужого рода, то воспитанник получал только половину наследства, другая же половина делилась между остальными сыновьями покойного. Но если воспитанник был взят с согласия братьев покойного, наследство переходило к нему целиком.

Вдова по смерти мужа обычно оставалась жить у своего младшего сына. Если брак был бездетным, то половину имущества умершего мужа отдавали брату последнего. Но если вдова умела доказать, что большая часть оленей является приплодом оленей ее приданого, она была вправе ничего не давать. После смерти вдовы имущество доставалось жене того сына, у которого она жила—эта невестка, по своему усмотрению, должна была подарить на память о матери по одной или по две вещи сестрам своего мужа. Часто сестры мужа получали от невестки не те вещи, которые хотели бы иметь, и поэтому бывали недовольны.

Но дело обычно до суда старейшин не доходило. Сестры жаловались брату на невестку, и он заставлял ее отдать просимые вещи.

После смерти бездетной вдовы ее личное имущество (главным образом приданое) доставалось ее родному брату. Но если жена умерла при жизни мужа, все ее имущество доставалось ему. Долги умершего должны были платить сын или вдова. Кредиторы считали неудобным напоминать о долгах в первый год после смерти и ждали еще год.

Сводная таблица долганских терминов родства и свойства

Предлагаемая таблица долганского родства и свойства не отражает родственных отношений в прошлом, поскольку все термины в ней якутские. Они, очевидно, сложились взамен прежних в результате якутского культурного влияния. К сожалению, не представляется возможным сопоставить долганские термины родства с якутскими из-за отсутствия подробных записей последних. Такое сопоставление имело бы известное значение, поскольку нами замечено, что некоторые якутские слова приняты у долган иной смысл.

Ага — отец.

Амиран — отчим.

Балыс — младший брат, младшая сестра, сын моей сестры, жена сына моей сестры, дочь моей сестры, муж дочери моей сестры, сын брата моего отца (моложе меня)⁵, дочь брата моего отца (мл.), сын сына брата моего отца, сын сына сестры моего отца, дочь моего брата (мл.), дочь сына сестры моего отца (мл.), сын дочери сестры моего отца (мл.), дочь дочери сестры моего отца (мл.), дочь брата отца моего отца (мл.), дочь брата отца моего мужа.

Балтым уола — сын моего брата (младшего).

Джактар — жена.

Ийе или ня — мать. Ийэрэн — мачеха.

Кинит — жена сына моего брата (младшего), жена сына брата моего отца (мл.), жена сына брата моей матери (мл.), дочь сына брата моей матери (мл.), дочь сестры моей матери (мл.), жена сына сестры отца моего отца (мл.), жена сына сестры моей матери (мл.), жена моего сына, жена брата моего мужа (мл.), жена брата моей жены (мл.), жена моего брата (мл.), сестра жены моего брата (мл.).

Кютюё — муж дочери моего брата (старше меня)⁶, муж дочери брата моего отца (ст.), муж дочери брата моей матери (мл.), муж сестры моей матери (старшей), муж дочери сестры моей матери (ст.), муж дочери сестры отца моего отца (ст.), муж сестры отца моей матери, муж сестры матери моего отца (старше отца), муж сестры моего отца (старшей), муж моей сестры (старшей), муж дочери брата моей матери (ст.), муж дочери брата отца моего отца (ст.), муж сестры жены моего брата (старшего).

Кютюёт — муж дочери моего брата (младшего), муж дочери брата моего отца (мл.), муж дочери сестры моей матери (мл.), муж дочери брата отца моего отца (мл.), муж сестры матери моего отца (моложе отца), муж сестры моего мужа (младшего), муж сестры моей жены (младшей), муж сестры отца моей жены (моложе моей жены), муж сестры моей (младшей; я — мужчина, я — женщина), муж моей дочери, муж дочери сестры отца моего отца (мл.), муж сестры жены моего брата (младшего; я — мужчина).

Кылын — муж сестры моей жены (старшей); брат моей жены (старший), отец моей жены, сын брата отца моей жены (старше жены), муж сестры отца моей жены (старше жены), брат матери моей жены, муж сестры матери моей жены, сын сестры матери моей жены (старше жены).

Ийе кылын — сестра моей жены (старше жены), жена брата моей жены (старшего), жена брата отца моей жены, дочь брата отца моей жены (старше жены), сестра отца моей жены, мать моей жены, жена брата матери моей жены, сестра матери моей жены, дочь сестры матери моей жены (старше жены).

Улакан кылын — брат отца моей жены (старше жены).

Куччугуй кылын — брат отца моей жены (моложе жены).

Кодогот — сестра жены брата моего отца, сестра жены брата моего мужа, сестра мужа моей сестры (я — мужчина), сестра жены моего брата (я — женщина), сестра мужа моей сестры (я — женщина), сестра жены брата моей жены.

⁵ В дальнейшем термин «моложе меня» обозначаем сокращенно (мл.).

⁶ «Старше меня» обозначаем (ст.).

- Котун — жена брата моего мужа (старше мужа), мать моего мужа.
- Кюря балыс — брат моей жены (моложе жены), сын брата моей жены, дочь брата моей жены, сын брата отца моей жены (моложе жены), дочь брата отца моей жены (моложе жены), сын брата матери моей жены, дочь брата матери моей жены, сын сестры матери моей жены (моложе жены), дочь сестры матери моей жены (моложе жены), сестра моей жены (моложе жены).
- Кыс — дочь, дочь брата матери моего мужа (моложе мужа), сестра отца моего мужа (моложе мужа), дочь сестры матери моего мужа, сестра моего мужа (моложе мужа).
- Ого — внук моего брата, внучка моего брата, внук моей сестры, внучка моей сестры, дочь сына сестры моей матери, сын дочери сестры моей матери, сын сына сестры моей матери (мл.), дочь дочери сестры моей матери, сын брата моего мужа (младшего), дочь брата моего мужа (младшего), сын сестры моего мужа, дочь моего брата моложе меня (младшей), дочь сестры моего мужа (младшего), дочь сестры матери моего мужа (младшей), сын сестры матери моего мужа (младшей), пасынок, падчерица.
- Огом уола — внучка. Огом кыса — внучка.
- Сангас — жена сына моего брата (ст.), жена брата моего отца (младшего), жена сына брата моего отца (ст.), жена брата моей матери, жена сына брата моей матери (старшего), дочь сына брата моей матери, дочь сестры моей матери (ст. меня), жена сына брата отца моего отца (ст.), жена сына сестры отца моего отца (ст.), жена сына сестры матери моей матери (старшего), жена моего брата (старшего, я — мужчина), сестра жены моего брата (старшего; я — мужчина), жена брата матери моей матери (если брат моложе матери).
- Снен — сын сестры отца моего отца, дочь сестры отца моего отца.
- Сурджум — сын сына брата моего отца (мл.; я — женщина), сын сына сестры моего отца (мл.; я — женщина).
- Сыган — сын сестры матери моего отца, дочь сестры матери моего отца.
- Тай — брат моей матери, сын брата моей матери, дочь брата моей матери, сын сына брата моей матери, сын дочери брата моей матери, дочь дочери брата моей матери, сын брата отца моей матери, дочь брата отца моей матери, сестры отца моей матери, брат матери моей матери, сын брата матери моей матери, жена сына брата матери моей матери, сын брата матери моего отца, дочь брата матери моего отца.
- Кат тай — муж дочери брата матери моей матери, сын сестры матери моей матери, дочь сестры матери моей матери, муж дочери сестры матери моей матери, дочь брата моей матери (ст.).
- Тойон — брат моего мужа (старший).
- Тюнгюр — брат мужа сестры моей матери, муж сестры жены моего брата (я — мужчина).
- Убай — сын брата моего отца (ст.), дочь брата моего отца (ст.), сын сына брата моего отца (ст.), сын сына сестры моего отца (ст.), дочь дочери сестры моего отца (ст.), сын сестры моей матери (ст.), сын сына сестры моей матери (ст.), сын брата отца моего отца (ст.), дочь брата отца моего отца (ст.), сын сестры отца моей матери, дочь сестры отца моей матери.
- Уол — сын, брат моего мужа (моложе мужа), сын брата матери моего мужа (моложе мужа).
- Уру — сын сестры моей жены, дочь сестры моей жены, дочь сестры отца моей жены.
- Эбе — бабушка, жена брата моего отца, сестра моей матери, жена брата отца моего отца, сестра отца моего отца, жена брата отца моей матери, жена брата матери моей матери, жена брата моего отца, жена брата моего мужа (старшего), сестра моего мужа (старше мужа), жена брата отца моего мужа, сестра отца моего мужа (старше мужа), жена брата матери моего мужа, дочь брата матери моего мужа (старше мужа), сестра матери моего мужа, дочь сестры матери моего мужа (старше мужа), мать моего мужа.
- Эбем уола — сын сестры моего мужа (ст.), сын сестры отца моего мужа.
- Эбем кыса — дочь сестры моего мужа (ст.), дочь сестры отца моего мужа.
- Эджий — дочь брата моего отца (мл.), дочь брата моей матери (мл.), младшая сестра моей матери, муж сестры моей матери (мл.), сын сестры моей матери (мл.), сестра матери моего отца (моложе отца).
- Эр — муж.
- Эея — дед, брат моего отца (старший), муж сестры моего отца, брат отца моей матери, брат матери моего отца, брат моего мужа (старший), отец моего мужа, брат отца моего мужа, брат матери моего мужа, сын брата матери моего мужа, муж сестры матери моего мужа, сын сестры матери моего мужа (старше мужа).
- Эеяч огото — сын брата отца моего мужа а, дочь брата отца моего мужа.
- Ынаря эбя — сестра матери моей матери. Ынаря эя — муж сестры матери моей матери.